

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2013
XXII

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
333
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Том XXII

Экспресс-выпуск • Express-issue

2013 № 888

СОДЕРЖАНИЕ

- 1565-1569 Материалы по экологии туркестанского змеяда
Circaetus gallicus heptneri в Бадхызе.
А. Н. СУХИНИН
- 1570-1576 О значении серой вороны *Corvus cornix* в пойменных
охотничьих угодьях среднего течения реки Оки.
В. П. ТЕПЛОВ, И. С. ТУРОВ
- 1577-1582 К экологии уссурийского урагуса *Uragus*
sibiricus ussuriensis в Лазовском заповеднике.
С. В. ВИНТЕР
- 1582-1583 Залёты фламинго *Phoenicopterus roseus*
в Павлодарскую область. А. О. СОЛОМАТИН
- 1583-1585 Неудачная попытка перепелятника *Accipiter*
nisus добыть в воздухе стрижа *Apus apus*.
А. Г. РЕЗАНОВ
- 1585 Весенние наблюдения кречётки *Chettusia gregaria*
в Илийской долине (Юго-Восточный Казахстан).
М. Н. КОРЕЛОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин

Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Р у с с к и й о р н и т о л о г и ч е с к и й ж у р н а л
T h e R u s s i a n J o u r n a l o f O r n i t h o l o g y
Published from 1992

V o l u m e X X I I
E x p r e s s - i s s u e

2013 № 888

CONTENTS

- 1565-1569 Materials on the ecology of the Turkestan short-toed
snake eagle *Circaetus gallicus heptneri* in Badkhyz.
A . N . S U K H I N I N
- 1570-1576 The importance of the hooded crow *Corvus cornix*
at hunting grounds in the floodplain of middle reaches
of the Oka River. V . P . T E P L O V , I . S . T U R O V
- 1577-1582 To ecology of the long-tailed rosefinch *Uragus sibiricus*
ussuriensis in the Lazo Reserve. S . V . V I N T E R
- 1582-1583 Vagrant freater flamingo *Phoenicopterus roseus*
in the Pavlodar Oblast. A . O . S O L O M A T I N
- 1583-1585 Unsuccessful attempt of a sparrowhawk *Accipiter*
nisus to catch swift *Apus apus* in air.
A . G . R E Z A N O V
- 1585 Spring records of the sociable lapwing *Chettusia*
gregaria in Ili valley (southeastern Kazakhstan).
M . N . K O R E L O V
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Материалы по экологии туркестанского змееяда *Circaetus gallicus heptneri* в Бадхызе

А.Н.Сухинин

Второе издание. Первая публикация в 1957*

Экология туркестанского змееяда *Circaetus gallicus heptneri* Dementiev 1932 как в Туркмении, так и в других частях его ареала до последнего времени остаётся малоизученной (Дементьев 1951, 1952; Рустамов 1954; Воробьёв 1955; Гептнер 1956). Поэтому считаем полезным привести некоторые данные по экологии этой птицы в Бадхызе (юго-восточная Туркмения), собранные нами в 1950-1956 годах.

В междуречье Теджена и Мургаба (Бадхыз) распространение змееяда связано с наличием древесной растительности. Он найден на гнездовье в фисташковых рощах (Пуль-и-Хатум, Кушка) и в Ер-Ойлан-Дузской впадине. Вполне вероятно, что змееяд живёт и в северных районах Бадхыза на участках, где имеется древесно-кустарниковая пустынная растительность. В местах, лишённых древесной растительности, эти птицы появляются, очевидно, во время кормовых вылетов. В долине реки Кушки на участке от города Кушка до устья реки они определённо не гнездятся.

Численность змееяда в разных районах Бадхыза неодинакова. В саксаульниках Ер-Ойлан-Дузской впадины он редок. Достаточно сказать, что здесь за 10 экскурсий во второй половине апреля 1954 года змееяд встречен только один раз и за несколько лет нами найдено лишь одно гнездо. В фисташковых рощах Бадхыза он обычен. О численности змееяда в Пуль-и-Хатумской (Акар-Чешминской) фисташковой роще можно судить по таким данным. За 35 экскурсий в окрестностях Акар-Чешме в период с 25 марта по 1 июня 1955 зарегистрировано 24 встречи (38 особей) змееяда. За 10 экскурсий во второй половине мая – первой половине июня змееяд встречен 7 раз (10 особей). Там же, на участке площадью около 10-12 км², в 1955 году гнездились 3 пары, в 1956 – 4 пары змееядов. Для сравнения укажем, что на той же площади в 1955 году гнездились 1 пара чёрных грифов *Aegypius monachus*, 2 пары стервятников *Neophron percnopterus*, 21 пара коршунов *Milvus migrans* и 4 пары сарычей-курганников *Buteo rufinus*.

В Бадхызе змееяд является перелётной птицей. Весной появляется сравнительно поздно. Ко времени его прилёта обычно устанавливается

* Сухинин А.Н. 1957. Материалы по экологии туркестанского змееяда в Бадхызе // Изв. АН Туркм.ССР 5: 132-135.

тёплая погода и пресмыкающиеся бывают деятельными. Первые прилётные особи у Акар-Чешме отмечены: в 1950 году – 24 марта, в 1951 – 18 марта, в 1953 – 27 марта и в 1955 – 25 марта. Прилёт происходит в довольно сжатые сроки. Так, в 1955 году, судя по наблюдениям за четырьмя гнёздами, уже к 5 апреля все птицы были на местах. Прилетают змееяды обычно парами, реже одиночками и небольшими стаями, в которых птицы уже разбиты на пары. Так, 29 марта 1955 в 10 ч к юго-востоку от Акар-Чешме на большой высоте была замечена стайка змееядов из 6 птиц (с 25 по 28 марта 1955 в окрестностях Акар-Чешме встречалась только одна пара). Во второй половине того же дня северо-западнее Акар-Чешме на протяжении не более 100 м на склоне ущелья были вновь обнаружены 6 змееядов, сидевшие парами на трёх фисташковых деревьях, на которых имелись незанятые гнёзда чёрного коршуна (вероятнее всего, это были птицы, встреченные нами утром). Одна из птиц каждой пары находилась в гнезде и периодически кричала, вторая сидела молча на вершине дерева. Ни в одном из этих гнёзд в 1955 году змееяды не размножались. Сразу же после прилёта змееяды занимают гнездовые участки.

Осенью, к концу октября, змееяды отлетают малозаметно, не образуя стай. Наиболее поздние встречи: в 1950 году – 27 октября, в 1951 – 19 октября, в 1954 – 1 ноября.

Данные о размножении змееяда в Бадхызе сводятся к следующему. В.Г.Гептнер (1956) нашёл 27 июня 1942 в Ер-Ойлан-Дузской впадине на саксауле гнездо с птенцом в возрасте примерно одного месяца. В гнезде, обнаруженном К.А.Воробьёвым (1955) в Фисташковом хребте 31 мая 1939, находился 2-3-дневный птенец. Список гнёзд, найденных нами в Бадхызе, таков.

1) Ер-Ойлан-Дуз, 4 июня 1952, в гнезде, расположенном на саксауле на высоте 170 см от земли – птенец в возрасте примерно 6-8 дней.

2) Верховье ущелья Зекли (окрестности Акар-Чешме), 12 мая 1950, 1 яйцо; 25 мая 1950 в том же гнезде – 1-2-дневный птенец; 7 августа 1950 птенец, уже способный немного летать, взят А.А.Бащенко для содержания в неволе. 15 августа он поступил в коллекцию Бадхызского заповедника. В следующем году змееяды это гнездо не заняли, а построили новое, примерно в 1.5 км от предыдущего, в котором и размножались в 1951-1955 годах (см. гнездо № 3).

3) Устье ущелья Зекли; 12 июня 1951 – 1 яйцо, 20 июня 1951 – 1 птенец. 27 мая 1953 – только что вылупившийся птенец. 10 июня 1954 – птенец, начинающий оперяться.

В 1955 году у этого гнезда пара змееядов впервые отмечена 30 марта. Спаривались они 6 апреля 1955. Во время спаривания, которое происходило на гнездовом дереве, обе птицы взмахивали крыльями и кричали. 16 апреля 1955 в гнезде яйца не было; 19 апреля 1955 – 1

яйцо; 4 июня 1955 – яйцо в самой утолщённой части наклонно; 16 июня – птенец, на крыльях и спине у него появились пеньки перьев. В июле во время пожара гнездо с птенцом сгорело. В 1956 году эта пара змееядов вновь переместилась в верховье Зекли (см. гнездо № 4).

4) Верховье Зекли; 12 июня 1956 – 1 яйцо; 12 августа 1956 – очень крупный, с хорошо развитым оперением птенец. Весной 1956 года гнездо построено на том же дереве и в той же развилке сучьев, где в 1950 году находилось гнездо № 2 (полностью разрушившееся уже к 1953 году), хотя поблизости имелось много других аналогичных деревьев. Последнее обстоятельство, как и некоторые другие, свидетельствует о том, что гнёзда №№ 2, 3 и 4 в период 1950-1956 годов, по видимому, занимала одна и та же пара змееядов.

5) Ущелье, расположенное примерно в 2 км к юго-востоку от Акар-Чешме. Гнездо построено в 1954 году. 14 июня 1954 – 1 яйцо; 29 июня – птенец в первом пуховом наряде, он почти непрерывно кричит; 3 июля – птенец при осмотре гнезда затаивается. В 1955 году у этого гнезда пара змееядов появилась 25 марта; 16 апреля в нем находилось 1 яйцо; в полдень 28 мая – одна сторона яйца сильно помята и в нём громко пищит птенец; 19 августа – в гнезде птенца не оказалось, он находился на земле под фисташкой в 30 м от гнезда. Потревоженный нами птенец пролетел около 200 м и вновь сел на землю. Дальнейшие наблюдения показали, что молодой змееяд пищу сам не добывал и находился ещё на попечении родителей. В 1956 году: 31 мая – 1 яйцо; 4 июня – 2-3-дневный птенец.

6) Ущелье, расположенное примерно в 1 км к востоку от Акар-Чешме. Впервые здесь змееяды стали гнездиться в 1956 году: 10 июня – 1 яйцо; 12 июня – 1 птенец.

Резюмируя изложенный фактический материал, мы можем сказать, что в Бадхызе кладка у змееяда состоит из 1 яйца, которое насиживается 45-48 дней. Птенец остаётся в гнезде около 70-75 дней. У пар, прилетающих к готовым гнёздам, кладка бывает в разных числах второй декады апреля. Пары, строящие гнёзда заново, приступают к размножению в самом конце апреля – первой декаде мая, то есть на 10-12 дней позже. Сроки начала размножения мало зависят от погодных условий. В годы с холодными, влажными вёснами (такой была, например, весна 1956 года) кладка запаздывает, но не более как на 5 дней. Птенцы появляются в третьей декаде мая – первой половине июня, гнёзда они покидают в августе.

Как установлено прямыми наблюдениями, в насиживании яйца принимают участие оба родителя, периодически сменяя друг друга. При вылупливании птенца в гнезде присутствуют самец и самка (2 наблюдения). Вес 3-дневного птенца – 130-150 г. Чисто-белый пух только что вылупившегося птенца к недельному возрасту приобретает

сизоватый оттенок, особенно на спине В возрасте 10-12 дней у птенца на крыльях и спине появляются пеньки перьев. Кормят птенца обе взрослые птицы. Размеры 4 яиц, мм: 75×60, 75.5×61, 76×63, 74.1×60. Вес ненасиженного яйца – 135 г.

Все гнёзда змееяда, найденные нами в окрестностях Акар-Чешме, были устроены на фисташковых деревьях, растущих на западных склонах ущелий, расположенных в меридиональном направлении. Гнёзда располагались совершенно открыто в восточных частях кроны деревьев и почти в течение всего дня, не исключая и самых знойных часов, на них падали прямые солнечные лучи. Высота расположения гнёзд над уровнем земли – от 2 до 4.3 м. Гнездовым материалом служат нетолстые сухие фисташковые ветви, стебли крупностебельчатых трав (кузинии, псоралея и др.). В фисташковых рощах гнёзда змееяда легко отличаются от гнёзд других хищных птиц тем, что в них всегда имеется некоторое количество свежей эфедры.

Собранный нами небольшой материал по питанию змееяда, представленный целыми экземплярами и остатками растерзанных животных, обнаруженных в гнёздах, характеризует, главным образом, кормовой режим птенцов в возрасте до 15-20 дней (см. таблицу). Птенцы более старшего возраста поедают приносимую родителями добычу быстро и полностью, поэтому в гнёздах с такими птенцами обычно не бывает никаких остатков пищи. Кстати заметим, что погадок змееяда находить около гнёзд нам не приходилось.

Питание птенцов змееяда
(Пуль-и-Хатумская фисташковая роща, окрестности Акар-Чешме)

Состав пищи	Число экз.
Ящерицы	19
Степная агама	1
Длинноногий сцинк	7
Ящурка, ближе не определённая	2
Желтопузик	9
Змеи	22
Песчаный удавчик	1
Удавчик, ближе не определённый	6
Стрела-змея	2
Гюрза	1
Пятнистый полоз	1
Краснополосый полоз	1
Поперечнополосатый полоз	1
Змеи, ближе не определённые	9

Как видно из таблицы, в фисташковых рощах Бадхыза птенцы выкармливаются пресмыкающимися. Из ящериц змееяд добывает преимущественно желтопузика *Ophisaurus apodus* и длинноногого сцинка

Eumeces schneideri, из змей – удавчиков *Eryx*. Других позвоночных, в частности мышевидных грызунов, по-видимому, змееяд если и ловит, то исключительно редко. Даже в 1955 году, когда в Пуль-и-Хатумской фисташковой роще численность мышевидных грызунов (афганская полёвка *Microtus afghanus*, домовая мышь *Mus musculus*) была очень высокой, змееяды приносили птенцам только пресмыкающихся.

В литературе (Дементьев 1951) имеется указание о том, что европейский змееяд отрывает у пойманных змей головы. В гнёздах туркестанского змееяда мы неоднократно находили совершенно целых змей. Например, 4 июня 1956 в гнезде, в котором находился птенец в возрасте 2 дней, были целая стрела-змея *Psammophis lineolatus* длиной (с хвостом) 83 см, и две змеи (удавчик и краснополосый полоз *Coleuber rhodorhachis*) с оторванными головами; в другом гнезде 16 июня 1955 – 2 целых удавчика размером 37 и 29 см. Змееяд начинает поедать добычу с головы, поэтому в гнёздах чаще попадают хвостовые части змей.

В июне 1956 года на открытом месте в 20-30 м от занятого гнезда змееяда была положена небольшая убитая кобра *Naja oxiana*. На следующий день кобру подобрал чёрный коршун. Змееяды на труп змеи не обращали внимания. Аналогичный опыт с удавчиком окончился так же. Из этого можно заключить, что змееяд добывает только живых пресмыкающихся. Пищу разыскивает и в самые жаркие часы суток (май-сентябрь). Весной в дождливую и пасмурную погоду мало активен – птицы целыми днями сидят на деревьях у гнёзд.

Л и т е р а т у р а

- Воробьёв К.А. 1955. Материалы к орнитологической фауне Бадхыза (юго-восточная Туркмения) // Зоол. журн. **34**, 4: 898-901.
- Гептнер В.Г. 1956. Фауна позвоночных животных Бадхыза Южный Туркменистан). Ашхабад: 1-335.
- Дементьев Г.П. 1951. Отряд хищные птицы Acipitres или Falconiformes // Птицы Советского Союза. М., 1: 70-341.
- Дементьев Г.П. 1952. Птицы Туркменистана. Ашхабад: 1-548.
- Дементьев Г.П., Рустамов А.К., Спангенберг Е.П. 1955. Материалы по фауне наземных позвоночных юго-восточной Туркмении // Тр. Туркм. сель.-хоз. ин-та **7**: 125-183.
- Рустамов А.К. 1954. Птицы пустыни Кара-Кум. Ашхабад: 1-344.

О значении серой вороны *Corvus cornix* в пойменных охотничьих угодьях среднего течения реки Оки

В.П.Теплов, И.С.Туров

Второе издание. Первая публикация в 1956*

В нашей зоологической литературе имеются весьма противоречивые мнения о пользе и вреде серой вороны *Corvus cornix*. Зоологи, изучавшие питание ворон путём вскрытия желудков и разбора погадок (Асписов 1932; Динесман, Кучерук 1937) считают их преимущественно полезными птицами, уничтожающими большое количество мышевидных грызунов и вредных насекомых. Совершенно по-другому характеризуют деятельность вороны почти все исследователи, наблюдавшие её в районах гнездования охотничьих птиц (Юргенсон 1934; Воробьёв 1936; Аскаров 1938; Дубинин 1940, 1953; Спангенберг, Олигер 1949). По их наблюдениям, серая ворона уничтожает огромное количество яиц, а иногда и птенцов самых разнообразных птиц, населяющих пойменные районы, и должна подлежать безусловному уничтожению в наших орнитологических заповедниках и охотничьих угодьях. Лишь в работе А.И.Пахульского (1951) деятельности ворон, населяющих районы массового гнездования пойменных птиц, даётся положительная оценка, основанная на том, что ворона «питается яйцами и птенцами птиц, гнёзда которых размещаются на верхних и средних ярусах деревьев, т.е. яйцами бакланов, серых цапель и квакв – наиболее вредных птиц-ихтиофагов». Однако, поскольку для района Астраханского заповедника, о котором пишет А.И.Пахульский, известны массовые случаи разорения вороной гнёзд диких гусей, уток и лысух (Воробьёв 1936; Дубинин 1953; и др.), сведения данного автора о разорении воронами лишь гнёзд птиц-ихтиофагов, очевидно, не заслуживают доверия.

К сожалению, почти во всех работах, освещающих вредную деятельность серой вороны по отношению к птицам, не приводится каких-либо цифровых показателей этого вреда. Очень мало также сведений о численности серой вороны в охотничьих угодьях. Серая ворона – всеядная птица, имеющая весьма широкое распространение, и поэтому для суждения о её хозяйственном значении мы должны располагать материалами из возможно большего количества географических пунктов и обрабатывать этот материал с учётом специфики экологической

* Теплов В.П., Туров И.С. 1956. О значении серой вороны в пойменных охотничьих угодьях среднего течения реки Оки // Зоол. журн. 35, 5: 753-757.

обстановки отдельных лет и сезонов, когда он был собран. Изучая питание ворон, мы не должны ограничиваться (по крайней мере, для весеннего периода) только исследованием содержимого желудков или погадок. Необходимо эту работу совмещать с наблюдениями за воронами в природе. В противном случае наиболее вредная сторона деятельности вороны – уничтожение яиц птиц будет освещена далеко не достаточно. Ворона, выпивая яйца, как правило, не заглатывает скорлупу.

В настоящей статье мы излагаем результаты обработки материала по хозяйственному значению серой вороны, собранного в пойменных станциях реки Оки, в Ерахтурском и Ижевском районах Рязанской области, в угодьях, граничащих с территорией Окского государственного заповедника. Материал этот был собран в весенне-летний (с апреля по июль) сезон 1953 года. Таким образом, наши сборы характеризуют питание вороны в период весеннего разлива рек и в период размножения птиц, когда её деятельность по уничтожению мышевидных грызунов и разорению птичьих гнёзд должна быть выражена наиболее ярко.

Кроме авторов настоящей статьи, в сборе материалов по питанию и численности вороны принимали участие Н.Н.Карташев и студенты-практиканты А.И.Алексеев, К.Д.Зыков и Т.Ф.Моисеева.

Для характеристики питания серой вороны до начала гнездового периода мы разобрали 1000 шт. погадок, собранных на местах её ночёвок. По времени происхождения этот материал относился к первой половине апреля, т.е. к периоду интенсивного таяния снега и начала разлива рек. Результаты анализа погадок приведены в таблице 1.

Таблица 1. Состав погадок серой вороны *Corvus cornix*
до начала гнездового периода

Группы пищи	В скольких погадках встречались	% от общего числа погадок
Позвоночные	1000	100,0
Млекопитающие	998	99,8
Мышевидные грызуны, ближе не определённые	211	21,1
Полёвки	770	77,0
Насекомоядные млекопитающие	17	1,7
Птицы	2	0,2
Жуки	39	3,9
Семена (просо)	3	0,3

Приведённые в таблице 1 показатели, казалось бы, позволяют охарактеризовать ворону как исключительно полезную птицу, уничтожающую в наших условиях ранней весной значительное количество полёвок. Из обнаруженных в просмотренных нами погадках вороны 1030 экземпляров поддающихся дальнейшему определению млекопитающих, полёвок было 985 экз. – 96%. Видовое соотношение полёвок в по-

гадках вороны было следующим: полёвка-экономка *Microtus oeconomus* – 94.2%, водяная крыса *Arvicola terrestris* – 4.8%, рыжая лесная полёвка *Clethrionomys glareolus* – 0.6%, обыкновенная серая полёвка *Microtus arvalis* – 0.4%. Вредная деятельность вороны в рассматриваемый сезон выражалась в поедании небольшого количества насекомоядных млекопитающих (кутор *Neomys fodiens* и землероек) и мелких воробьиных птиц. Первые были встречены в 1.7%, а вторые – в 0.2% разобранных погадок. Что касается жуков, то они в нашем материале встречались редко (3.9%) и были представлены исключительно крупными формами – плавунцами и навозниками.

Проведённые нами наблюдения и обловы мышевидных ловушками в различных пойменных местообитаниях позволили установить массовую гибель их во время позднеосеннего паводка 1952 года, что обусловило резкое падение их численности в пойме Оки весной 1953 года. Нет сомнений, что огромное большинство полёвок, съеденных воронами, составляли трупы этих зверьков, появившиеся на поверхности земли после таяния снега и льда. Таким образом, вороны в рассматриваемый период по характеру своего питания являлись преимущественно потребителями падали.

Таблица 2. Яйца птиц, выпитые серой вороной *Corvus cornix*

Название вида	Общее число яиц	% от общего числа яиц всех видов
Тетерев <i>Lyrurus tetrix</i>	4	2.1
Погоныш <i>Porzana porzana</i>	1	0.5
Малый зуёк <i>Charadrius dubius</i>	4	2.1
Чибис <i>Vanellus vanellus</i>	3	1.7
Травник <i>Tringa totanus</i>	3	1.7
Перевозчик <i>Actitis hypoleucos</i>	3	1.7
Большой веретенник <i>Limosa limosa</i>	29	15.7
Кулик-сорока <i>Haematopus ostralegus</i>	1	0.5
Озёрная чайка <i>Larus ridibundus</i>	6	3.2
Кряква <i>Anas platyrhynchos</i>	47	25.4
Чирок (преимущественно трескун <i>Anas querquedula</i>)	80	43.2
Широконоска <i>Anas clypeata</i>	3	1.7
Дрозд-белобровик <i>Turdus iliacus</i>	1	0.5
Всего	185	100.0

Случаи питания вороны яйцами птиц регистрировались в период с 21 апреля по 15 июня, т.е. в течение 55 дней. Как показали непосредственные наблюдения, ворона, как правило, не выпивает яйца в гнёздах, а уносит их в клюве и поедает, сидя чаще всего на земле. В качестве кормового столика она выбирает чистое место – старое остожье, участок дороги или берег водоёма, лишённый травы. Такими кормо-

выми столиками ворона пользуется неоднократно. Нам приходилось находить на одном месте скорлупу 10-20 яиц. Всего за указанный период в районе наших наблюдений было установлено 185 случаев поедания вороной яиц птиц. Видовой состав и количественное соотношение последних приведены в таблице 2.

Ворона разоряет в наших условиях преимущественно гнёзда птиц, гнездящихся на земле. Исключением из этого правила в нашем материале является случай разорения гнезда дрозда-белобровика *Turdus iliacus* и, может быть, некоторая часть случаев, относящихся к крякве *Anas platyrhynchos*, которая на Оке довольно часто гнездится в дуплах. Нужно отметить, что более 20% яиц, выпитых вороной, принадлежало большому веретеннику *Limosa limosa*, озёрной чайке *Larus ridibundus* и чибису *Vanellus vanellus*, т.е. птицам, весьма активно отгоняющим различных хищников от своих гнёзд. Большинство (88%) видов птиц, у которых ворона разоряла гнёзда, относилось к числу объектов охоты (утки, тетерев *Lyrurus tetrix*, крупные кулики).

Очевидно, ворона в наших условиях, как и в ряде других районов, должна считаться вредной для охотничьего хозяйства птиц.

Таблица 3. Число гнёзд, разорённых одной парой серых ворон *Corvus cornix* на острове площадью около 1 км²

Виды птиц	Число найденных яиц	Число разорённых воронами гнёзд*
Чибис <i>Vanellus vanellus</i>	1	1
Травник <i>Tringa totanus</i>	2	1
Перевозчик <i>Actitis hypoleucos</i>	2	1
Большой веретенник <i>Limosa limosa</i>	20	Не менее 5
Кулик-сорока <i>Haematopus ostralegus</i>	1	1
Озерная чайка <i>Larus ridibundus</i>	5	2
Кряква <i>Anas platyrhynchos</i>	20	Не менее 2
Чирок (преимущественно трескунок <i>Anas querquedula</i>)	25	Не менее 3
Широконоска <i>Anas clypeata</i>	3	1
Всего	79	17

* Установлено по среднему числу яиц в кладке.

Сколько же гнёзд разоряет ворона в течение одного гнездового периода? Частичный ответ на этот вопрос дают наблюдения, проведённые нами в дубовой роще, расположенной на берегу большой старицы Оки, которая известна под названием «Лопата». В этой роще гнездилась одна пара ворон, которые систематически таскали яйца птиц, гнездившихся на луговом острове, образованном вышеуказанной старицей и рекой Прой. Этот остров занимает площадь около 1 км² и весной почти совершенно не посещается людьми. На берегу старицы на участке площадью около 0.5 га в течение 15 дней – с 3 по 17 мая – была

собрана скорлупа 79 яиц, выпитых воронами (табл. 3). Мы видим, что эта пара ворон разорила не менее 17 гнёзд охотничьих птиц, в том числе не менее 6 гнёзд уток. Эту цифру следует считать явно преуменьшенной, так как наблюдения за этим гнездом ворон велись только в течение 15 дней, тогда как вороны разоряют гнёзда птиц в течение 55 дней, что уже указывалось выше. Кроме того, часть яиц могла быть взята воронами из неполных кладок или съедена ими в другом месте.

По данным Х.С.Салихбаева (1950), среди яиц, уничтоженных чёрной вороной *Corvus corone orientalis* в дельте Амударьи, яйца уток и лысух составляют 50%. В работе В.М.Гусева и Г.И.Чуевой (1951) приведён случай, когда парой чёрных ворон на одном из озёр в дельте реки Или было в один год уничтожено 186, а в другой – 237 яиц уток, гусей и лысух.

Среди яиц, уничтоженных серой вороной, яйца уток составляли 70%, а если принять во внимание, что в нашем материале пара ворон выпивала в день не менее 4 яиц, причём период питания яйцами продолжался 55 дней, можно с уверенностью сказать, что серая ворона наносит водоплавающей птице не меньший вред, чем чёрная.

Степень вреда, наносимого воронами нашему дичному хозяйству, конечно, не одинакова в отдельные годы. Так, например, весной 1953 года, когда проводились наши наблюдения, почти не было мышевидных грызунов и травяной покров в пойме Оки развивался медленно. В этом году вредная деятельность вороны по отношению к гнёздам птиц была выражена весьма сильно. В годы, когда на лугах много мышевидных, а раннее развитие травяного покрова обеспечивает гнёздам птиц более надёжную маскировку, вороны должны наносить охотничьим птицам меньший вред.

Для определения плотности населения серой вороны в Окской пойме мы вели систематическую регистрацию её встреч на учётных маршрутах. Во время прохождения этих маршрутов мы учитывали все встречи вороны на расстоянии 200 м в обе стороны. Результаты учётов приведены в таблице 4.

Переводя линейные показатели маршрутных учётов на площадь (с учётом ширины учётной ленты в 400 м), мы можем считать, что на одну ворону в гнездовой период (апрель-май) приходится 1.1 км². В июне и июле число ворон в пойме Оки постепенно увеличивается за счёт вылета из гнёзд молодых. Судя по показателям учёта ворон, в июле на одну пару взрослых птиц в среднем приходилось 4.4 молодых.

По данным В.А.Попова (1953), в пойме Волги и Камы в Татарской АССР на 1 км² приходится 2 вороньих гнезда, т.е. на одну ворону в гнездовой период – 0.25 км². В Дарвинском заповеднике (Спангенберг, Олигер 1949) в июне одна пара серых ворон встречалась в среднем на

каждые 2 км маршрута (100 шт. на 100 км). Очевидно, установленная нами плотность населения серой вороны в Окской пойме не является слишком высокой. Но даже и при сравнительно небольшой плотности населения серая ворона в наших условиях наносит поголовью охотничьих птиц весьма заметный урон.

Таблица 4. Результаты учёта серых ворон *Corvus cornix* в пойме Оки в 1953 году

Месяц	Число экскурсий	Протяжённость учётных маршрутов, км	Число учтённых ворон	Число ворон на 100 км маршрута
Апрель	11	67	25	37
Май	10	69	25	36
Июнь	16	88	46	52
Июль	21	113	131	113

Учитывая существующую плотность населения различных охотничьих птиц в Окской пойме и указанное выше число гнёзд, разоряемых вороной, можно без всякого преувеличения утверждать, что эта птица ежегодно уничтожает не менее 20% возможного приплода водоплавающей и болотной дичи.

На территории Рязанской области, точно так же, как и в ряде других областей СССР, серая ворона объявлена безусловно вредной птицей, добытие которой разрешается всеми законными способами в течение круглого года. Однако этого совершенно недостаточно. Если не считать разорения вороньих гнёзд, которое у нас иногда местами практикуется, никаких мер для уменьшения численности ворон не применяется, а между тем проведение их необходимо для увеличения численности пернатой дичи.

Работы по уничтожению серой вороны в охотничьих угодьях должны проводиться систематически и планомерно и сводиться к следующему.

1. Производить систематический отстрел и разорение гнёзд серой вороны на территории приписных охотничьих хозяйств и заповедников, расположенных в районах массового гнездования водоплавающей дичи. Отстрел должен вестись преимущественно в гнездовой период. Для повышения эффективности отстрела необходимо практиковать охоту с манным филином. Хорошие результаты может дать также привлечение к этой работе снайперов, вооружённых малокалиберными винтовками.

2. Весеннюю охоту в центральных и южных областях Европейской части СССР нужно разрешать только при условии одновременного проведения кампании по уничтожению вороны в охотничьих угодьях. Необходимо привлечь к этому широкие массы охотников любителей, проводить конкурсы по уничтожению ворон, возмещая охотникам израсходованные боеприпасы и премируя охотников, выполнивших

условия конкурса. В качестве документального подтверждения уничтожения ворон необходимо обязать охотников представлять лапы убитых птиц, причём должна быть сохранена и часть кожи с перьями. Последнее предотвратит возможность представления вместо лап ворон лап грачей и других птиц из семейства вороновых.

3. Необходимо выпустить плакаты, характеризующие вред вороны для охотничьего хозяйства и пропагандирующие наиболее эффективные способы её истребления.

Проведение всех перечисленных мероприятий, конечно, потребует известных затрат сил и средств, но они, вне всякого сомнения, с избытком окупятся за счёт сохранения значительного количества охотничьих птиц.

Что же касается полезной деятельности ворон, выражающейся в уничтожении некоторого, пусть даже значительного, числа мышевидных грызунов и вредных насекомых, то эту сторону их деятельности выполняют другие виды зверей и птиц, не наносящие, подобно серой вороне, большого ущерба нашему охотничьему хозяйству.

Л и т е р а т у р а

- Аскарлов Г. 1938. Материалы по биологии каравайки // *Тр. Астраханского заповедника* 2: 59-77.
- Асписов Д.И. 1932. Некоторые данные о хозяйственном значении серой вороны (*Corvus cornix* L.) в условиях поймы низовий р. Камы // *Учён. зап. Казан. ун-та* 92, 7/8: 202-227.
- Воробьёв К.А. 1936. Материалы по орнитологической фауне дельты Волги и прилежащих степей // *Тр. Астраханского заповедника* 1: 3-52.
- Гусев В.М. и Чуева Г.И. 1951. Материалы по питанию некоторых птиц дельты реки Или // *Зоол. журн.* 30, 6: 594-601.
- Динесман Л.Г., Кучерук В.В. 1937. Питание серой вороны (*Corvus cornix* L.) // *Зоол. журн.* 16, 4: 706-712.
- Дубинин В.Б. 1940. Некоторые наблюдения над биологией серой вороны в дельте Волги // *Природа* 29, 6: 114-115.
- Дубинин В.Б. 1953. Биотехнические мероприятия по охране ценных видов зверей и птиц в Астраханском заповеднике // *Преобразование фауны наземных позвоночных нашей страны*. М: 27-36.
- Пахульский А.И. 1951. *Рыбоядные птицы южных морей СССР и их вред*. М: 1-94.
- Попов В.А. 1953. Основные задачи по освоению и реконструкции фауны наземных позвоночных животных ложа будущего Куйбышевского водохранилища // *К изучению животного мира Куйбышевского водохранилища*. Казань: 5-23.
- Салихбаев Х.С. 1950. Охотничье-промысловые животные дельты Аму-Дарьи (Кара-Калпакия) и меры их рационального использования // *Материалы по производительным силам Узбекистана*. Ташкент, 1: 124-153.
- Спангенберг Е.П., Олигер И.М. 1949. Орнитологические исследования в Дарвинском заповеднике в 1946 и 1947 годах // *Тр. Дарвинского заповедника* 1: 245-302.
- Юргенсон П.Б. 1934. *Биологические основы дичеразведения*. М.

К экологии уссурийского урагуса *Uragus sibiricus ussuriensis* в Лазовском заповеднике

С.В.Винтер

Второе издание. Первая публикация в 1976*

В летние сезоны 1970-1971 годов уссурийский урагус *Uragus sibiricus ussuriensis* Buturlin 1915 был обычен в долинах рек Сяухэ, Судзухэ и Канихеза. Численность его здесь составляла 2-3 пары на 1 км маршрута. Этот вид гнезился по поймам, довольно густо поросшим лекарственной разнолистной *Corylus heterophylla* и леспедцей двухцветной *Lespedeza bicolor* с примесью молодых деревьев ясеня носолистного *Fraxinus rhynchophylla*, берёзы ребристой *Betula costata*, дуба монгольского *Quercus mongolica* и ольхи японской *Alnus japonica*, а также в прибрежных ивовых зарослях с небольшой примесью дуба монгольского.

Постройка пяти известных мне гнёзд началась 26 июня 1970, 31 мая, 7, 21 июня и 6 июля 1971. Гнёзда находились на иве *Salix* sp., молодых яблоне маньчжурской *Malus manshurica* и дубе монгольском, бересте *Ulmus pumila* и ольхе японской. Высота их над землёй – 1.5, 1.5, 3.35, 4.9 и 5.6 м. По наблюдениям за двумя парами, строила гнездо самка в течение 5 дней. Работу она начинала в 5 ч 30 мин и продолжала в солнечную погоду до 8 ч 30 мин, в пасмурную – до 11 ч 40 мин. Затем активность птицы резко падала, и до 16-17 ч она прилетала лишь изредка. За день совершалось 40-60 прилётов со строительным материалом, наибольшая часть которого была принесена на третий день, когда завершалась основа гнезда и птица подлетала с очередной порцией через каждые 3 мин 25 с (во второй день – через 7 мин 30 с, а в пятый – через 6 мин). Время пребывания её на гнезде колебалось от 6 до 140 с и наиболее продолжительным оно было в последний день.

В течение первого дня была построена маленькая площадка диаметром около 5 см и толщиной около 1.5 см из сухого размолоченного лыка. Отдельные пучки его опутывались вокруг развилки ветвей, где находилось гнездо. На второй день постройка значительно увеличилась, а на третий создание основы гнезда практически завершилось и началось возведение его стенок, закончившееся на пятый день. После чего дно выстилалось конским волосом. Начиная постройку, птица приносила довольно длинные (5-10 см) пучки лубяных волокон и укладывала их вокруг каждой из веток развилки. Во второй и последующие

* Винтер С.В. 1976. К экологии урагуса уссурийского (*Uragus sibiricus ussuriensis* But.) в Лазовском заповеднике // *Вестн. зоол.* 1: 33-37.

дни наряду с лыком она приносила стебли трав, тонкие веточки, которые служили скелетом гнезда, причём при возведении стенок веточки и стебли использовались особенно часто.

С пучком строительного материала в клюве самка усаживалась на ветку, затем бросала или укладывала его в гнездо (рис. 1, 1), прыгала в чашу и некоторое время утаптывала (рис. 1, 2), потом захватывала клювом пучок волокон в нижней части гнездовой постройки и характерным движением головы уплотняла его внутри чаши; голова птицы во время этого движения подрагивала, как при значительном физическом напряжении (рис. 1, 3, 4, 5); за этим следовали приседание, притаптывание лапками и покачивание телом из стороны в сторону; крылья при этом были чуть опущены (рис. 1, 6). И, наконец, она вставляла на ноги и поднимала хвост вертикально (рис. 1, 7). Описанный комплекс движений следовал после каждой очередной порции строительного материала, мог повторяться десятки раз; число этих повторений зависело, видимо, от податливости веточек или стеблей. Я неоднократно наблюдал, как самка, прилетевшая с пучком травинок, вновь и вновь принималась «заправлять» в гнездо какую-то торчащую веточку, казалось не обращая внимания на принесённый материал.

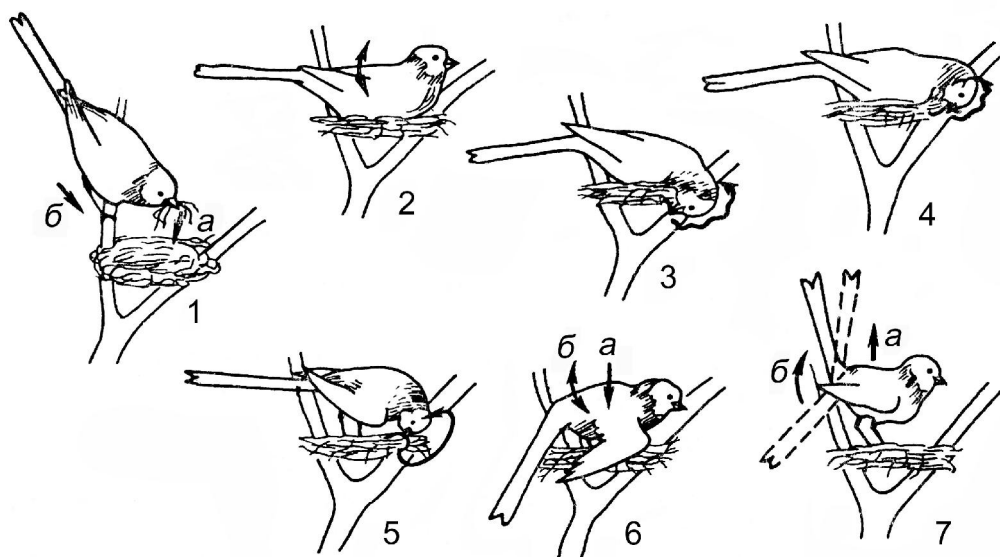

Рис. 1. Характерные позы самки *Uragus sibiricus ussuriensis* во время постройки гнезда: 1-7 — последовательность поз самки; а, б — последовательность движений.

Законченное гнездо было довольно аккуратно. Находилось оно в вертикальной развилке ветвей и было хорошо замаскировано нависающими листьями. Наружный диаметр его составлял 76-82, высота — 54-100 мм, диаметр лотка — 49-60, глубина — 30-34 мм. Свито оно из лубяных волокон сухой леспедецы и лещины разнолистной, плоских листьев злаковых. Каркас состоял из стеблей злаков, тонких веточек; внутренние стенки чаши были выстланы тончайшими стебельками,

покрытыми сверху конским волосом и реже – шерстью кабана *Sus scrofa* и енотовидной собаки *Nyctereutes procyonoides*. В одном из гнёзд (жилóm) такой выстилки не было.

Самец в постройке не участвовал, но держался поблизости и изредка сопровождал летающую за материалом самку. Во время постройки самка прогоняла большинство мелких птиц, приближавшихся на 1-1.5 м к гнезду (больших синиц *Parus major*, седоголовых овсянок *Emberiza spodocephala*, светлоголовых пеночек *Phylloscopus occipitalis*. Когда на расстоянии 10 м от гнезда появился тигровый сорокопут *Lanius tigrinus*, птицы начали издавать тревожный крик – обычную позывку, только громче и чаще, летая вокруг него вместе с обеспокоенными красноухой овсянкой *Emberiza cioides*, сибирской горихвосткой *Phoenicurus auroreus*, горной трясогузкой *Motacilla cinerea* и светлоголовой пеночкой. Строящая самка никогда не прогоняла красноухих овсянок, гнездившихся в 10 м, причём самец из этой пары целыми днями пел в 4-5 м от гнезда урагусов. Когда к постройке приблизился бурундук *Eutamias sibiricus*, птица оставалась неподвижной до тех пор, пока зверёк не убежал. В период постройки ни разу не наблюдались спаривание и брачные игры, хотя пары довольно часто кормились в густой поросли кустарника, на заливном лугу и на деревьях.

К откладке яиц урагусы приступали на следующий день после завершения постройки. В 5 ч 40 мин самка прилетела в гнездо и, усевшись, некоторое время поправляла его. Затем сидела спокойно, иногда чуть приподнималась, словно усаживалась поудобнее. Через некоторое время открыла клюв, точно от жары, позже – начала приоткрывать и закрывать его. Потом усаживалась поглубже и снова приподнималась, приоткрывая клюв. Так повторялось несколько раз. И, наконец, приподнявшись в гнезде с открытым клювом, она на секунду застыла в такой позе, посмотрела под себя в лоток, уселась и вновь очень медленно приподнялась над гнездом, будто боялась раздавить отложенное яйцо. В 6 ч 20 мин изменила положение отложенного яйца в гнезде, а в 6 ч 40 мин улетела вместе с певшим поблизости самцом, несмотря на морозящий мелкий дождь.

Первые яйца были снесены в гнёздах урагусов 12 июня, 8 июня, 11 июля 1971 и 29 июня 1970. Они откладывались к 7-8 ч, по одному в сутки. В полной кладке было от 3 до 5, чаще – 4 яйца. В поздней, возможно повторной кладке, их оказалось 3. Яйца овоидной формы, правда, в одном из гнёзд яйца были удлинённо-яйцевидными. Средние размеры яиц ($n = 12$) – 19.06×13.21 мм.

Регулярное насиживание начиналось после откладки предпоследнего яйца. На протяжении всего этого периода самец кормил самку на гнезде, но не сменял её. При фотографировании птицы пугались вспышек и через некоторое время самец уже не всегда подлетал к гнезду, а

начинал тревожно покрикивать, находясь в 25-35 м, и самка улетаала к нему. В период насиживания самец и самка не реагировали на приближение к гнезду особей своего вида (однажды чужой самец сидел в 1 м от гнезда в течение 15-20 секунд рядом с наблюдаемой парой) или других птиц (выводки больших синиц, ширококлювых мухоловок *Alseonax latirostris*, одиночные седоголовые овсянки). Однако на «врагов» урагусы реагируют активно. Так, 23 июля 1971 они тревожно кричали и летали в нескольких метрах от выводка японских сорокопутов *Lanius bucephalus*. Во время насиживания самец довольно много пел, сидя в 25-40 м от гнезда, а самка часто отвечала ему тихой позывкой из гнезда. Песня наблюдаемых урагусов состояла из двух частей: одна похожа на песню щегла *Carduelis carduelis*, но в чуть более низких тонах (она характерна для всех самцов урагусов), другая – более короткая, и в ней замечено больше индивидуальных различий, что, очевидно, обусловлено хорошо развитыми подражательными способностями урагусов. Нередко можно было слышать одновременно двух самцов, поющих в 30-50 м друг от друга, причём один пел более короткую (подражательную), другой – более длинную (основную) часть песни. Во время насиживания самка покидала гнездо в среднем через 2/3 часа, на 8-9 мин. По мере приближения срока вылупления птенцов она становилась менее осторожной и слетала с кладки при появлении человека в 2 м от гнезда. Вылуплялись птенцы на 13-й день с момента регулярного насиживания. К вечеру этот процесс прерывался, а к полудню следующего дня появлялся последний птенец. Скорлупу самка съедала.

Вес однодневных пуховичков (данные по 2 гнёздам) – 1.57-1.96 г. Они ничем не отличались от известного их описания (Нейфельдт 1970). Дальше вес птенцов изменялся следующим образом: 2-й день – 2.30-2.60 г; 3-й – 3.50-3.75 г; 4-й – 4.75-5.30 г; 5-й – 6.80-7.00 г; 6-й – 7.80-8.20 г; 8-й – 9.70-10.80 г. Вес одного из 10-дневных птенцов – 11.40 г. Чем меньше птенцов в гнезде, тем быстрее они развивались. Так, в первом (4 птенца) на третий день молодые весили в среднем 3.39 г, во втором (3) – 4.60 г. Глаза открывались у птенцов на 4-й день, хотя щёточки наметились к вечеру 3-го дня. Слуховые проходы открылись на 5-й день (рис. 2).

Кормить птенцов родители начинали уже в первый день. Занятая обогреванием птенцов самка приносила корм реже, чем самец. Прилетая с кормом, самец садился на край гнезда, а самка пятилась на противоположную стенку. Усевшись, она приседала, трепетала крыльями и открывала клюв, как птенец; самец отрывал корм, отдавал его самке и улетаал, а та начинала кормить птенцов. Если самки на гнезде не было, то самец кормил птенцов сам, затем усаживался на ветку в 1 м от гнезда и ждал её; услышав позывку самки, он улетаал. За один прилёт корм получали все птенцы. Особенно много его приносилось к

вечеру; при осмотре птенцов в это время на их шеях были заметны значительные вздутия, отсвечивающие зеленовато-белым. Частота кормлений с возрастом птенцов почти не изменялась. Так, на второй день корм приносился в среднем через 27 мин 42 с, а в день вылета – через 25 мин 30 с. Кормление начиналось в 5 ч 20 мин – 5 ч 30 мин, оканчивалось в 20 ч 40 мин – 20 ч 50 мин.

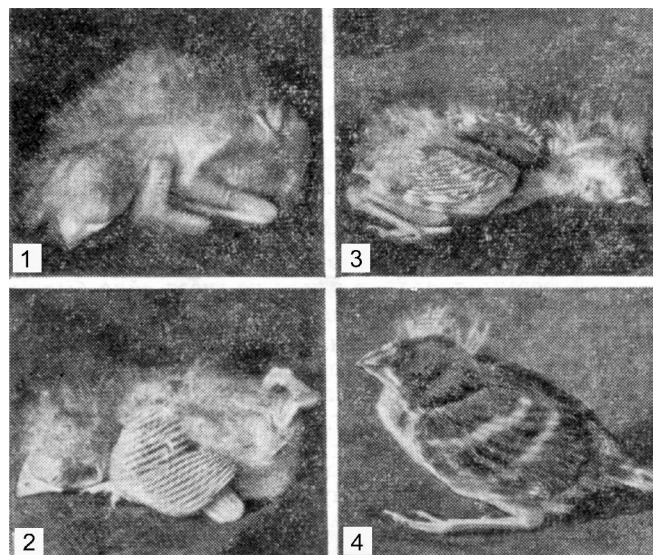

Рис. 2. Птенец *Uragus sibiricus ussuriensis*: 1 – 2-дневный; 2 – 5-дневный; 3 – 7-дневный; 4 – 11-дневный.

С 3-го дня жизни птенцов взрослые птицы начинали реагировать на приближающегося к гнезду человека примерно так: самец летал с ветки на ветку в 1-2 м и тревожно кричал; самка вела себя более осторожно и ближе 5 м не подлетала. Эта реакция не изменялась вплоть до дня вылета птенцов. Птенцы покинули гнездо на 11-й день. Если бы их не тревожили, то это произошло бы на 1-3 дня позже.

Одиннадцатидневный птенец весил 11.80 г, длина крыла составляла 39 мм, длина рулевых перьев – 16 мм, они развернулись лишь на 6 мм. Клюв птенца светло-свинцовый с потемнением на конце. Крылья – грязновато-чёрные с двумя светлыми поперечными полосками, которые образованы вершинами кроющих крыльев; цвет полосок охристо-грязновато-белый. В хвосте 3 пары внутренних рулевых – чёрные, 3 пары боковых (по 3 пера с каждой стороны) – грязновато-желтовато-белые. Ещё сохранившиеся клювные валики грязновато-белые, к углам рта чуть розовые. Голова и спина мышинного цвета с жёлтым налётом. «Птенцовый зуб» хорошо сохранился. Полость рта светло-малиново-розовая, значительно посветлевшая по сравнению с первой фазой развития. Лапы свинцово-розовые, когти свинцового цвета, обычной формы, без резко загнутого крючочка на конце, как у только что вылупившегося птенца. Радужина темно-коричневая; зрачок голубовато-свинцовый.

С целью анализа корма ежедневно (с 3-го по 10-й день) вечером я отбирал его у одного из птенцов. Пища извлекалась из полости рта поглаживанием вздутой шеи птенца в направлении ротового отверстия. Было проанализировано 6 «пищевых комков». Основную массу корма птенцов составляли насекомые, семена по весу – примерно в три раза меньше. Корм представлял собой тягучую сметанообразную массу с лёгким зеленоватым оттенком, в которой попадались очищенные от кожуры и сильно измельчённые семена осок (например, осоки гороховидной бесприцветниковой *Cyperaceae pisiformis* Boot, var *ebracteata* (Trantv.) Kükenth. из группы митроносных; целые семена 2-3 мм длиной – около 114); гусеницы горностаевой моли *Hiponomentidae* – 1; гусеницы совок *Noctuidae* размером до 1.7 см – 4; личинки листоедов *Chrysomelidae* – 4; личинки пилильщиков настоящих *Tenthredinidae* – 2; куколки чешуекрылых *Lepidoptera* около 1 см длиной, разорванные посегментно – более 5; крылья двукрылых *Diptera*; долгоносики *Curculionidae*, разорванные пополам – 10; пауки *Araneida* – 3; тли, относящиеся к родам *Masonaphis* (обитает на рододендроне *Rhododendron mucronulatum*) и *Prociphilus* (на ясене носолистном) – около 16 целых особей, а часть тлей была представлена в корме только брюшками. У двух птенцов во вздутиях шеи среди корма найдены нематоды *Nematoda*, напоминающие волосатиков.

Выражаю искреннюю благодарность С.И.Медведеву, М.П.Божко, А.Г.Вовк и И.В.Друлёвой, которые определили материал по питанию птенцов, а также И.А.Нейфельдт, оказавшей мне помощь при написании статьи.

Литература

Нейфельдт И.А. 1970. Пуховые птенцы некоторых азиатских птиц // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 47: 111-181.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 888: 1582-1583

Залёты фламинго *Phoenicopterus roseus* в Павлодарскую область

А.О.Соломатин

Второе издание. Первая публикация в 1991*

На озере Тлеуберды Лебяжинского района Павлодарской области летом 1982 года держалось 2 фламинго, а на озере на территории сов-

* Соломатин А.О. 1991. Краткие сообщения о фламинго [в Павлодарской области] // *Редкие птицы и звери Казахстана*. Алма-Ата: 80.

хоза «Новотроицкий» в 1978 году охотовед А.А.Абросимов видел 2, а осенью – 5 фламинго *Phoenicopterus roseus*. Последние залёты фламинго на Иртыше между Павлодаром и Семипалатинском были известны в начале века (Долгушин 1960).

Л и т е р а т у р а

Долгушин И.А. 1960. *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 1: 1-469.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 888: 1583-1585

Неудачная попытка перепелятника *Accipiter nisus* добыть в воздухе стрижа *Arus arus*

А.Г.Резанов

Александр Геннадиевич Резанов. Кафедра биологии животных и растений, Московский городской педагогический университет, Институт естественных наук, ул. Чечулина, д. 1, Москва, 119004, Россия. E-mail: RezanovAG@mail.ru

Поступила в редакцию 13 июня 2013

Вечером 20 мая 2013 около храма Вознесения (Москва, Коломенское) на высоте 60 м, чередуя взмахи крыльями с планированием, в сторону Москвы-реки пролетал перепелятник *Accipiter nisus*. Вероятнее всего, он летел на склон береговой террасы, где среди зарослей кустарника постоянно держались полевые воробьи *Passer montanus*. Мне приходилось наблюдать здесь ястреба, который стремительно пролетал низко над склоном, лавируя между кустами, или сидел на каком-нибудь дереве, выжидая подходящего момента для атаки.

Площадь Вознесения, над которой летел ястреб, была местом постоянной охоты 10-15 чёрных стрижей *Arus arus*, гнездящихся под крышами культовых построек (Церкви Вознесения, Георгиевской колокольни и Часовой башни над проездными воротами). В какой-то момент летящий перепелятник вдруг резко спикировал вниз на несколько метров на пронесившегося под ним стрижа. Стриж мгновенно сманеврировал и избежал контакта с перепелятником.

Судя по всему, это был т.н. разведывательный полёт (prospecting flight), описанный Owen (1932; from Cramp, Simmons 1982), во время которого ястреб летит на высоте до 25 м и выше, прямым курсом или кругами, а затем, обнаружив добычу (птицу), пикирует на неё, завершая таким образом охотничий полёт. А.И.Корзюков (1986) наблюдал охоту пролётных перепелятников на высоте 10-30 м на мигрирующих воробьиных птиц над островом Змеиный в Чёрном море.

В просмотренной мной литературе стрижи в качестве добычи перепелятника на огромном пространстве Палеарктики не указываются (Холодковский, Силантьев 1901; Дементьев 1951; Корелов 1962; Воробьёв 1963; Птушенко, Иноземцев 1968; Захидов, Мекленбургцев 1969; Панов 1973; Андреев 1976; Данилов 1976; Григорьев и др. 1977; Костин 1983; Мальчевский, Пукинский 1983; Митропольский и др. 1987; Галушин 1991; Нечаев 1991; Шепель 1992; Мельников 1999; Бабенко 2000; Белик 2008; Рябицев 2008; Шмитов, Николаев 2008 и др.). Однако есть данные, что ястреб-перепелятник может добывать таких быстрых и маневренных птиц, как деревенские ласточки *Hirundo rustica* (Дементьев 1951).

Литература

- Бабенко В.Г. 2000. *Птицы Нижнего Приамурья*. М.: 1-726.
- Белик В.П. 2008. Питание перепелятника в гнездовой период в Саратовском Поволжье // *Изучение и охрана хищных птиц Северной Евразии*. Иваново: 69-71.
- Галушин В.М. 1991. Отряд соколообразные, или хищные птицы. Ordo Falconiformes // *Фауна мира: Птицы*. М.: 68-91.
- Григорьев Н.Д., Попов В.А., Попов Ю.К. 1977. Отряд соколообразные (дневные хищные птицы) Falconiformes // *Птицы Волжско-Камского края*. М.: 76-117.
- Данилов О.Н. 1976. *Хищные птицы и совы Барабы и Северной Кулунды*. Новосибирск: 1-156.
- Дементьев Г.П. 1951. Отряд хищные птицы Acipitres или Falconiformes // *Птицы Советского Союза*. М., 1: 70-341.
- Корзюков А.И. (1986) 2003. Необычное поведение пролётных птиц над акваторией Чёрного моря // *Рус. орнитол. журн.* **12** (235): 986-987.
- Корелов М.Н. 1962. Отряд хищные птицы – Falconiformes // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **2**: 488-707.
- Костин Ю.В. 1983. *Птицы Крыма*. М.: 1-240.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., **1**: 1-480.
- Мельников Ю.И. 1999. О способах охоты дневных хищных птиц // *Рус. орнитол. журн.* **8** (63): 10-16.
- Митропольский О.В., Фоттелер Э.Р., Третьяков Г.П. 1987. Отряд Соколообразные Falconiformes // *Птицы Узбекистана*. Ташкент, **1**: 123-246.
- Нечаев В.А. 1991. *Птицы острова Сахалин*. Владивосток: 1-747.
- Панов Е.Н. 1973. *Птицы Южного Приморья (фауна, биология и поведение)*. Новосибирск: 1-376.
- Птушенко Е.С., Иноземцев А.А. 1968. *Биология и хозяйственное значение птиц Московской области и сопредельных территорий*. М.: 1-461.
- Рябицев В.К. 2008. *Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель*. Екатеринбург: 1-633.
- Холодковский Н.А., Силантьев А.А. 1901. *Птицы Европы: Практическая орнитология с атласом европейских птиц*. СПб.: I-CLVII, 1-636.
- Шепель А.И. 1992. *Хищные птицы и совы Пермского Прикамья*. Иркутск: 1-296.
- Шмитов А.Ю., Николаев В.И. 2008. Некоторые особенности питания двух видов ястребов в Тверской области // *Изучение и охрана хищных птиц Северной Евразии*. Иваново: 155-157.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 888: 1585

Весенние наблюдения кречётки *Chettusia gregaria* в Илийской долине (Юго-Восточный Казахстан)

М.Н.Корелов

Мстислав Николаевич Корелов. Институт зоологии МОН Казахстана,
проспект Аль-Фараби, 93, Академгородок, Алматы, 050060, Казахстан

Поступила в редакцию 23 мая 2013

В 1940-1950 годах кречётка *Chettusia gregaria* изредка наблюдалась во время весеннего пролёта в долине среднего и нижнего течения реки Или (Долгушин 1962), однако в 1960-1970 годах совершенно перестала встречаться, хотя мы часто бывали на экскурсиях в этих местах. Так, на левобережье Или у посёлка Илийск 31 марта 1949 отмечена пролётная группа из 4 особей, севшая на степной участок среди пойменного болота. В этом же районе за посёлком Чингильды (трасса Алматы – Талды-Курган) 12 апреля 1955 Э.Ф.Родионов видел одиночную кречётку в полынной степи у дороги. На разливах севернее Солёных озёр (120 км восточнее Алма-Аты) 22 марта 1955 отмечена стая из 14 особей. Кроме того, в коллекцию Института зоологии поступила шкурка кречётки, коллектированной 1 апреля 1952 из стайки в районе железнодорожной станции Копа, в 100 км западнее Алма-Аты. Случаев гнездования и летних встреч кречётки в Илийской долине нами не отмечалось, хотя для начала XX столетия она указывается гнездящейся в этих местах (Шнитников 1949).

Л и т е р а т у р а

Долгушин И.А. 1962. Отряд Кулики – Limicolae // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 2: 40-245.

Шнитников В.Н. 1949. *Птицы Семиречья*. М.; Л.: 1-665.

